

ПЕРВОЕ ВЫСШЕЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ РОССИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УТВЕРЖДАЮ

Руководитель ОПОП ВО
Профессор Д.А. Щукина

**МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ**

«СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА»

Уровень высшего образования:	Подготовка кадров высшей квалификации
Направление подготовки:	45.06.01 Языкознание и литературоведение
Направленность (профиль):	Русский язык
Форма обучения:	очная
Нормативный срок обучения:	3 года
Составитель:	д.филол.н., проф. Щукина Д.А.

Санкт-Петербург

ВВЕДЕНИЕ

Настоящие методические рекомендации разработаны на основе рабочей программы дисциплины «Современные подходы к изучению языка» и предназначены для самостоятельного изучения обучающимися.

Целью самостоятельной работы по данному предмету является формирование способности ориентироваться в научных подходах к изучению языка и работать с лексикографическими источниками.

В своей научной деятельности преподаватель-исследователь должен уметь критически анализировать и оценивать современные научные подходы к изучению языка, генерировать новые идеи при решении исследовательских и практических задач, а также самостоятельно осуществлять научно-исследовательскую деятельность в области лингвистики с использованием современных подходов к изучению языка.

В настоящих методических рекомендациях предложены задания, которые помогут получить более глубокие знания о современных подходах к изучению языка, тем самым способствуя развитию навыков, необходимых преподавателю-исследователю в его дальнейшей профессиональной деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ «СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА»

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК СМЕНА НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

Тема 1. Сравнительно-исторический подход к изучению языка

Цели и задачи занятия:

– сформировать представление о сравнительно-историческом подходе к изучению языка.

Учебные вопросы по самостоятельной работе:

1. Фердинанд де Соссюр «Курс общей лингвистики» (1917);
2. Семиотика как наука о знаках, лингвоцентризм семиотики;
3. Н.Д. Арутюнова: дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; речь, погруженная в жизнь»;
4. Лингвистика текста как современная научная дисциплина, ее основные направления.

Задания для самостоятельной работы

Задание 1. Прочитайте следующие научные работы, определите, к какому разделу языкознания – синхроническому или диахроническому они относятся:

1. Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие / сост. Л. Н. Чурилина. – М., 2017 г.;
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII - XIX вв. – М., 1938 г.;
3. Шулежкова, С. Г. История лингвистических учений: учебное пособие. – М., 2017 г.;
4. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М., 1981 г.;
5. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. – М., 1941 г.;
6. Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / ред. Б. А. Серебrenникова. – М., 1970.
7. Глухих Н.В. Деловой эпистолярный жанр конца XVIII - начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста. Монография. — Челябинск, 2008 г.

Задание 2. Какие слова получились из древнерусских слов **днь, львь, сънь, пышено, лъжка, почьсть, льстимь, льсть, чтьць?**

Задание 3. Попробуйте объяснить этимологическую связь слов **стыд и стужа, студеный, мерзкий и мороз, печаль и печь, горе и гореть**, сначала самостоятельно (запишите свои рассуждения), а потом используя дополнительную литературу (сравните с собственными предположениями).

Исп. литература:

1. Зализняк А.А. *Лингвистические задачи* - М., 2016
2. Норманн Б. Ю. *Теория языка. Вводный курс* - М., 2004

Методические указания:

При рассмотрении темы необходимо обратить внимание на понятие «языковое родство» и концепцию генеалогического древа как основной модели исторического развития языка, а также на разграничение языка и речи в работах Ф. де Соссюра и Л.В. Щербы. Важными для понимания сравнительно-исторического подхода являются понятия «синхрония» и «диахрония».

Рекомендуемая литература:

основная: [2];

дополнительная: [1, 3].

РАЗДЕЛ II. ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Тема 2. Системный подход к изучению языка

Цели и задачи занятия:

- сформировать представления о разнообразии современных подходов к изучению языка, а также способности ориентироваться в научных подходах к изучению языка;
- сформировать представление о системном подходе к изучению языка

Учебные вопросы по самостоятельной работе:

1. Сопоставление в лингвистике как синхроническое исследование.

Задания для самостоятельной работы:

Задание 1. Прочитайте статью: <https://cyberleninka.ru/article/v/slovo-o-sintaksise-russkogo-yazyka-akademika-a-a-shahmatova>. Запишите основные положения теории А. А. Шахматова.

Долин Ю.Т.

СЛОВО О «СИНТАКСИСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» АКАДЕМИКА А.А. ШАХМАТОВА

В статье оценивается роль труда академика А.А. Шахматова «Синтаксис русского языка» в изучении русского синтаксиса в XX веке. Показывается плодотворность синтаксических идей этого ученого-филолога в осмыслении предложения как коммуникативной единицы речи; анализируется разработка им нового для своего времени синтаксического учения о двусоставности / односоставности предложения.

В этом году исполнилось 140 лет со дня рождения крупнейшего российского ученого-филолога, слависта и русиста, академика Алексея Александровича Шахматова. Филологическое наследие Шахматова велико и многогранно. Одно из «почетных мест» в этом наследии занимает его книга «Синтаксис русского языка», уже давно ставшая классической в истории изучения русского синтаксиса. Ее судьба необычна, так как она была издана посмертно учениками А.А. Шахматова на основе его рукописных материалов – в 1925 году (выпуск первый) и в 1927 году (выпуск второй). А в 1941 году под редакцией профессора Е.С. Истриной вышло второе издание этого труда, значительно дополненное материалами из архива ученого.

«Синтаксис русского языка» академика А.А. Шахматова, – отмечает Е.С. Истрина, – это научное исследование, в котором наряду с постановкой широких теоретических вопросов дается богатейший материал синтаксических конструкций русского литературного языка, отчасти и русских говоров, сопровождаемый тонким анализом» [1].

К сожалению, этот капитальный труд ученого по русскому синтаксису остался незавершенным. Он содержит три раздела из его синтаксического учения (правда, самых важных): 1. Учение о предложении. 2. Учение о словосочетаниях. 3. Синтаксис частей речи. А четыре остальных раздела, заявленных им во вводной части, ученый написать не успел. Это: 4. Учение о сочетании предложений. 5. Учение об интонации предложений. 6. Порядок слов в предложении. 7. Значение предложений и перечень синтаксических категорий [2].

В 20-40-е годы издание «Синтаксиса» А.А. Шахматова стало событием в науке о русском языке. Нельзя не отметить, что профессор А.М. Пешковский, известный ученый, лингвист и методист, познакомившись с «Синтаксисом русского языка» Шахматова, значительно переработал и свою научно-популярную книгу «Рус-

ский синтаксис в научном освещении» (вышедшую первым изданием в 1914 году) [3].

Научные заслуги академика Шахматова в области русского синтаксиса неоспоримы. Прежде всего следует отметить, что А.А. Шахматов, отмежевываясь от традиционного (булаевского) логического синтаксиса русского языка, в котором предложение трактовалось как «суждение, выраженное словами» [4], дал новое, лингвистическое определение предложения как единицы нашей речи: «Предложение – это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления» [5]. При этом ученый понимал предложение как коммуникативную единицу. На с. 29 в его «Синтаксисе» читаем: «Предложение – это словесное, облеченное в грамматическое целое (посредством согласования составных его частей или соответствующей интонации) выражение психологической коммуникации».

Шахматову принадлежит несомненная заслуга и в том, что он впервые ввел в русский синтаксис понятие грамматической формы предложения и свое учение о предложении построил по принципу грамматической оппозиции односоставное предложение / двусоставное предложение. «Предложения русского языка, – писал ученый, – распадаются по форме на следующие две основные разновидности: предложения **односоставные**, не представляющие словесного обнаружения тех двух членов, на которые распадается каждая психологическая коммуникация, и на предложения **двусоставные**, один состав которых является господствующим и соответствует психологическому субъекту, а другой состав – зависимым и соответствует психологическому предикату» [6].

А.А. Шахматов создал цельное грамматическое учение об односоставном предложении как самостоятельной, полноценной единице речи, выполняющей такую же коммуникативную функцию, как и двусоставное предложение. В начале прошлого века это воспринималось как

новшество, так как в традиционном (дошахматовском русском синтаксисе) все односоставные предложения было принято понимать как неполные, якобы с опущенным вторым главным членом. Им были выделены и подробно описаны различные типы односоставных предложений, с привлечением большого фактического материала из художественной литературы, а также из русского фольклора и русских говоров.

В 50-х годах прошлого века новое синтаксическое учение Шахматова о предложении нашло поддержку у академика В.В. Виноградова, под чьей редакцией вышла Академическая грамматика русского языка. В теоретическом «Введении» ко II тому, изданному в 1954 году, подводя итоги изучения предложения в отечественной науке о языке, В.В. Виноградов констатировал, что «разграничение двух основных типов предложения – двусоставных и односоставных – прочно вошло в синтаксис русского языка» [7]. И действительно, во II томе Академической грамматики русского языка 1954 года описанию различных типов односоставного предложения посвящен целый большой раздел. Понятие односоставного предложения наряду с двусоставным, описание различных типов односоставных предложений начиная с 50-х годов прошлого века вошло во все вузовские учебные пособия по современному русскому языку, а также во все школьные учебники русского языка.

Вместе с тем нельзя не признать, что та «прочность», о которой писал во II томе Грамматики-54 В.В. Виноградов, как показало время, оказалась весьма относительной. Сразу же после выхода этого тома известный ученый-языковед профессор В.Г. Адмони в 1955 году выступил с большой теоретической работой «О двусоставности предложения», построенной главным образом на материале русского языка. В ней он утверждал: «По самой своей социальной природе акт речевого общения всегда оказывается двусоставным. Но это означает, что и оформляющая акт речевого общения языковая единица, предложение, должна в своей основе быть двусоставной, хотя это не всегда может получить свое четкое выражение» [8]. Такова логика рассуждения этого ученого. Поэтому, подытоживая анализ грамматической структуры русских предложений типа **Приду; Даю тебе слово; Говорят; Работаю; Светает; Светло; Грустно**, – В.Г. Адмони квалифицирует их как предложения двусоставные, оперируя

при этом понятием «морфологической двусоставности предложения», и приходит к теоретическому заключению, что «двусоставность является нормальной и характерной чертой предложения в русском языке» [9].

В 50-е и 60-е годы эта работа В.Г. Адмони не оказала какого-либо существенного влияния на русский синтаксис. И в теоретическом, и в описательном синтаксисе русского языка прочно господствовало шахматовское синтаксическое учение о предложении. Однако в 70-х годах в связи с так называемым «семантическим взрывом» в лингвистике, в том числе и в синтаксисе, отдельные ученые-языковеды стали вновь подвергать пересмотру учение Шахматова о двусоставности / односоставности предложения. Так, в 1969 году в статье профессора Н.Д. Арутюновой «Вариации на тему предложения» была предпринята попытка вернуться к логическому синтаксису Ф.И. Булаева с его идеей двусоставности предложения [10]. А в 1986 году профессор Г.А. Золотова, известный ученый-синтаксист, в статье «О некоторых теоретических результатах работы над «Синтаксическим словарем русского языка», учитывая то, что «наш речемыслительный акт, претворяющийся в предложении, заключается в предикативном (в плане модальности, времени и лица) отнесении признака к предмету, его носителю», приходит к теоретическому заключению «о принципиальной двусоставности русского предложения» [11]. Затем этот тезис был положен в основу фундаментальной книги трех авторов: Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко и М.Ю. Сидоровой «Коммуникативная грамматика русского языка» [12].

От шахматовского учения о предложении отказалась также и профессор Н.Ю. Шведова, научный редактор и автор раздела «Синтаксис» академической «Русской грамматики» 1980 года [13], в то время как в предыдущей Академической грамматике, также вышедшей под ее редакцией, в Грамматике-70, в основе раздела «Простое предложение» лежало шахматовское понятие синтаксической двусоставности / односоставности предложения [14].

В защиту синтаксического учения академика А.А. Шахматова о предложении была направлена наша дискуссионная статья, опубликованная в журнале «Русский язык в школе», – «Есть ли в русском языке односоставные предложения? (Синтаксическая теория и школьный синтаксис)», содержащая веские аргументы в

пользу реальности существования в русском языке односоставных предложений наряду с двусоставными, содержащая утверждение о том, что нет никаких достаточно веских оснований для пересмотра шахматовского учения об односоставном предложении, для отказа от синтаксической оппозиции двусоставное предложение / односоставное предложение – как в академической, так и в школьной грамматиках [15]. И вообще, в современной синтаксической теории стало порой трудно разобраться, что считать «старым», а что – «новым» (старую идею логической грамматики двучленности предшествовала?!).

Заслуживает всяческого внимания и другая грамматическая оппозиция Шахматова, нашедшая отражение в его «Синтаксисе», – двусоставные согласованные предложения / двусоставные несогласованные предложения. По этому вопросу он писал: «Сравнительное изучение индоевропейских языков показывает, что древнейшим видом двусоставных предложений является тот их вид, в котором сказуемое согласуется с подлежащим. Но в отдельных индоевропейских языках, в частности в русском, рядом с такими грамматически согласованными в своих двух составах предложениями имеются предложения, несомненно также двусоставные, но **несогласованные**» [16]. Речь идет о предложениях типа **А царица хохотать**. (Пушкин). **Татьяна прыг в другие сени**. (Пушкин). **А телеграмма-то и приди**. (Достоевский). **Мед сладко, а муха падко**. (старинная поговорка) и т. п.

Однако нельзя не признать, что наши ученые-синтаксисты и авторы учебных пособий по русскому синтаксису («прошли мимо») этой шахматовской грамматической классификации двусоставных предложений. Если синтаксическую классификацию односоставных предложений (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, номинативные) мы встречаем и во всех вузовских учебных пособиях по современному русскому языку, и во всех школьных учебниках русского языка, то внутренняя синтаксическая классификация двусоставных предложений до сих пор фактически не разработана. Поэтому обращение к синтаксическому учению А.А. Шахматова о двусоставном несогласованном предложении было бы весьма перспективным как в теоретическом синтаксисе русского языка, так и в описательном синтаксисе.

Синтаксические идеи А.А. Шахматова оказали свое влияние и в области синтаксиса сложного предложения. Следует напомнить, что этот ученый отрицал само понятие «сложное предложение» в русском языке, так как оно не имеет своей грамматической формы. И действительно, понятие сложного предложения как самостоятельной синтаксической категории в его учение о предложении не вписывается. В синтаксическом построении Шахматова мы встречаем «учение о сочетании предложений».

Несомненно под влиянием этих шахматовских идей А.М. Пешковский в своей книге «Русский синтаксис в научном освещении» писал: «Термин «сложное предложение» мы отвергаем, так как он называет **несколько** предложений **одним «предложением»** и тем создает путаницу» [17]. Вместо этого профессор Пешковский ввел понятие и термин «сложное целое», которое и состоит из двух или нескольких предложений. «Сложное предложение», – приходит к заключению этот ученый в своей книге, – и является как раз очень часто не «сложным предложением», а «союзом предложений», почему и не должно называться «предложением» [18]. Нельзя не отметить, что путаница в понятии сложного предложения, на которую обратили внимание А.А. Шахматов и А.М. Пешковский, наблюдается до сих пор. Приведем, к примеру, определение сложного многочленного предложения, которое дает В.М. Глухих в своей публикации этого года в журнале «Русский язык в школе»: «Сложное многочленное предложение – это объединение трех и более простых предложений на основе одного вида связи (бессоюзие, сочинение, подчинение) или разных видов связи (бессоюзие и сочинение, бессоюзие и подчинение, сочинение и подчинение и, наконец, бессоюзие, сочинение и подчинение)» [19].

Следует отметить, что во II томе академической «Русской грамматики» 1980 года в разделе «Сложное предложение» нет бессоюзных сложных предложений как самостоятельной синтаксической категории. Вместо этого авторы Грамматики-80 (как нам известно, после долгих обсуждений) решили ввести новое понятие и новый термин – «бессоюзные соединения предложений» (а это уже микротекст, а не одно цельное предложение). Приведем это определение из Грамматики-80: «Бессоюзные соединения (сочетания) предложений – это **особые синтаксические образования** (выделено нами. – Ю.Д.), в большей или меньшей степени соот-

Задание 2. Прокомментируйте высказывание А. А. Потебни:

«... Язык... система, есть нечто упорядоченное, всякое явление его находится в связи с другими. Задача языкознания и состоит именно в уловлении этой связи, которая лишь в немногих случаях очевидна...»

Каким образом связаны явления языка? Приведите примеры связей языковые явлений.

Задание 3. Почему язык называют системой систем? Докажите или опровергните утверждение, что каждый из уровней языка представляет собой систему.

Задание 4. Определите, к какому из уровней языка относятся следующие единицы: **по, к, дом, жизнь, ся, а, бешеные деньги, объегорить, он устал.** Определите функции, которые выполняют эти единицы в системе языка.

Методические указания:

При рассмотрении темы необходимо обратить внимание на понятие «система» и её свойства, понять сущность концепции Ф. Соссюра о системности языка и то, как положения данной концепции развивались в рамках структурализма; следует разграничивать парадигматические и синтагматические отношения в языке.

Рекомендуемая литература:

основная: [2];

дополнительная: [1, 3].

Тема 3. Когнитивный подход к изучению языка

Цели и задачи занятия:

- сформировать представления о разнообразии современных подходов к изучению языка, а также способности ориентироваться в научных подходах к изучению языка;
- сформировать представление о когнитивном подходе к изучению языка.

Учебные вопросы по самостоятельной работе:

1. Суть лингвopsихологических исследований – поиски и обнаружение определенных корреляций между когнитивными и языковыми структурами (Е.С. Кубрякова);
2. Постулат о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания;

3. Развитие проблематики когнитивной лингвистики в работах Е.С. Кубряковой.

Задания для самостоятельной работы:

Задание 1. Прочитайте отрывок из статьи Л.Н. Черкасова «Когнитивный и системный подходы в лингвистике и лингводидактике». Запишите основные различия когнитивного и системного подхода к изучению языка.

«<...> Когнитивный подход.

Среди приоритетов, которые устанавливает когнитивный подход к описанию языка, выделяется, прежде всего, изучение восприятия на основе метода поэтапного наблюдения за всем процессом, начиная с ощущения органами чувств физических раздражителей и кончая осознанием поступивших в клетки головного мозга сигналов. При этом возникает необходимость проведения четкой грани между материальной действительностью, которая доступна непосредственному наблюдению, и неоощуаемой действительностью в виде особых структур, у которых отсутствует своя четкая материальная форма. К таким неоощуаемым структурам, которые принято называть абстрактными или абстракциями, относятся, например, класс и тип, скрывающиеся от органов чувств за «спинами» своих представителей. Скажем, английский звукотип [t] как материальная абстракция представлен следующими звуками: непридыхательным, оральным, срединным, альвеолярным, нелабиализованным [t], придыхательным [th], назальными [tn], [tm], латеральным [t^l], дентальным [t^d], заальвеолярным [tr], лабиализованным [tw], причем каждый из приведенных репрезентантов имеет еще и дополнительные признаки, обусловленные постоянными индивидуальными особенностями произносительных органов продуцентов и временными ситуативными причинами, вплоть до самочувствия и настроения говорящих.

При функциональном подходе звуки речи рассматриваются не с точки зрения их восприятия, а с учетом функциональной нагрузки их признаков, которая обусловлена их возможностью или невозможностью различать слова и их формы. Задача фонолога сводится к тому, чтобы, опираясь на фонологические оппозиции, определить фонемный состав языка, выделяя из всего многообразия звуков речи их фонемы (автор рассматривает последние не как фонемы, а как звукотипы). Функциональный подход незаменим при определении фонем, но его возможности ограничены в основном только двумя уровнями языка – мерисматическим и фонематическим. Когнитивный подход распространяется шире, ибо он охватывает еще и лексический уровень языка, на котором господствует слово. При этом важно отметить, что он не исключает функционального подхода, а дополняет его, ибо предполагает изучение не только единиц языка, но и его механизмов.

На данном этапе развития науки изучение последних осложняется тем, что мы пока не можем проникнуть в тайны головного мозга, который является основой языковой и речевой деятельности. Поэтому нам приходится изучать не только доступные восприятию речевые сущности, но и обращаться к исследованию отношений между ними, что влечет за собой использование еще одного подхода к изучению действительности – системного

Системный подход.

Системный подход был и продолжает оставаться актуальным уже потому, что по праву является одной из основ общей методологии науки. Всплеск интереса к общей теории систем, вызванный после Второй мировой войны развитием теории управления, не обошел и языкознание, что вполне закономерно, потому что еще в начале века Фердинанд де Соссюр писал о языке как о системе знаков [1]. После Людвиг фон Берталанфи, который выдвинул общую теорию систем [2], интерес к изучению систем стал постепенно угасать, но в наше время можно ожидать его возрождения, что обусловлено появлением когнитивного направления в науке вообще и в лингвистике в частности. Лингвистика становится антропоцентрической [3], что предполагает выход лингвистического исследования за рамки языка как самодостаточной знаковой системы (в духе Соссюра) и изучение его взаимодействия с человеком и средой его обитания. Такое изучение языка предполагает новый виток системного исследования языка, речи и знаковой ситуации.

Если прошлый век в значительной мере прошел под знаком учения Соссюра о языке как о самодостаточной знаковой системе, то в настоящее время едва ли найдется лингвист, сомневающийся в том, что язык следует изучать не в самом себе и для себя, как было определено Соссюром [1, с. 269], а системно, то есть с учетом его связей с внешними факторами. Поскольку эта тенденция прослеживается в лингвистике всего мира, есть основание полагать, что системный подход в изучении языка удержит лидирующее место в методологии лингвистических исследований.

У автора данной статьи была попытка предложить принципы, лежащие в основе теории лингвистических систем (ТЛС), изложив их в монографии «Теория лингвистических систем и системная фонология» [4]. Поскольку данная монография стала библиографической редкостью, в статье предлагается затронуть некоторые из них, особенно те, которые необходимы для понимания системы, структуры и отношения элементов системы.

Системный подход трактуется по-разному в зависимости от определения понятий системы и структуры, а последние понимаются неодинаково, ибо зависят от определений понятий «отношение», «связь» и «оппозиция», которые у авторов бывают разными. Данные понятия, широко используемые в функциональной лингвистике, являются основополагающими, тем не менее, они во многом остаются неясными и

даже противоречивыми. Для примера можно обратиться к термину «оппозиция», использованному Н. С. Трубецким в известном труде «Основы фонологии» [5]. Автор пользуется следующими выражениями: 1) «оппозиция как отношение», «оппозиция – это противоположение», «отношение, имеющее характер оппозиции», «отношение оппозиции» и 2) «образовать оппозицию», «члены оппозиции». Хотя значения термина «оппозиция» не эксплицированы, из приведенных фраз можно сделать вывод, что их два: 1) оппозиция – это отношение противоположения и 2) оппозиция – это структура, члены которой находятся в отношении противоположения. Оппозиция как отношение употребляется в прямом смысле, а отношение как структура – в переносном на основе метонимии».

Задание 2. Законспектируйте статью Е. С. Кубряковой «О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный»» - <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2001/01/kubryakova.pdf> .

«Как всякая новая парадигма научного знания, когнитивная парадигма в лингвистике пробивает себе дорогу не без сопротивления, и если в специальной литературе выступления против нее редко носят открытый характер, то критические нападки на нее на разного рода встречах, круглых столах и конференциях встречаются гораздо чаще. В целом такое положение дел вполне понятно: всегда проходит какое-то время, прежде чем новая парадигма знания утвердится и найдет своих сторонников. Тем удивительнее, что уже и сейчас в области когнитивной лингвистики работает так много ученых, и уже сейчас можно было бы назвать немало интересных работ, свидетельствующих о том, что у нас складывается своя собственная школа когнитологов.

Поскольку к настоящему времени когнитивная лингвистика представлена в мире несколькими мощными направлениями, каждое из которых отличается своими установками, своей областью анализа и особыми процедурами анализа, а поток зарубежных исследований, выполненных в когнитивном ключе, по-прежнему не иссякает, наличие термина “когнитивный” в составе многочисленных с ним словосочетаний еще не означает по сути дела, что соответствующая работа выполнена в рамках когнитивной парадигмы и, тем более, того, что сам этот термин понимается тождественным образом. Подобное положение дел осложняется, несомненно, и тем, что сама когнитивная наука, под эгидой которой возникла когнитивная лингвистика, все больше дробится не только на разные школы, но и на разные когнитивные науки – когнитивную психологию, нейронауки, антропологию и т.п. Разными учеными даются разные определения понятию “когнитивный” и здесь, а в появившихся “Введениях” в разные когнитивные науки его объяснения связываются, конечно, и с тем, в какой конкретной науке он используется, и какой конкретно группой ученых он

характеризуется. При быстром развитии всех современных наук и даже всех парадигм научного знания тридцать–тридцать пять лет их существования в XX веке – срок немалый и даже за этот короткий период фактические изменения в том и в другом достаточно существенны. Менялись частично и исходные допущения когнитивной науки, и сферы ее интересов, и конкретные ставящиеся в ней задачи, а все это вместе взятое не могло не отразиться и на облике когнитивной лингвистики.

Взяв, например, знаменитую книгу А. Пейвио (середина 80-х гг.) о двойном кодировании знаний в голове человека (образном и вербальном), мы могли бы удостовериться в том, что сам вопрос о том, как представлено знание в ментальном лексиконе, – это по-прежнему важнейшая проблема всей когнитивной науки. И все же вряд ли мы могли бы согласиться с тем, что проблема ментальных репрезентаций – это и сегодня центральная проблема всей когнитивной науки (см. Paivio 1986: 3-4). Но меняются цели когнитивной науки, меняется частично и содержание характеризующего ее термина.

Приведем еще один пример. Стремясь отразить, как происходит развитие ребенка, психологи до 60-х гг. ориентировались, прежде всего, на изучение мышления и выделение в становлении ребенка разных этапов осуществляемой им предметно-познавательной деятельности. С появлением когнитивной психологии и распространением взглядов на человека как обладающего особой когнитивной системой, служащей обработке и переработке информации, ее хранению и т.п., ракурс рассмотрения того, как протекает умственное развитие ребенка, тоже изменился. И здесь первоначально акцент делался на том, как формируются у ребенка ментальные репрезентации мира и в каком виде они существуют в его сознании; но постепенно под когнитивным развитием ребенка (*cognitive development*) начинает пониматься более широкий круг явлений, связанных с овладением ребенком средствами и способами обращения с информацией, со становлением самой когнитивной системы со всеми такими ее составляющими, как восприятие, воображение, умение рассуждать и решать проблемы и т.п. Центральным становится вопрос о роли языка во всех этих процессах, о его врожденности или же приобретаемости во время научения. В то же время отмечается, что сам термин “когнитивная система”, как, впрочем, и термин “информация” (т.е. термины, ключевые для описания всего процесса развития ребенка!), используются без точного определения того, что ими обозначается! (ср. McShane 1991: 9). У многих специалистов складывается впечатление, что термин “когнитивный” выступает как размытый и что по этой причине он зачастую “пуст” (ср. Фрумкина 1996: 55). Встречаются и еще более неожиданные утверждения. Рассуждая о вкладе когнитивной лингвистики в современное языкознание, В.Б.Касевич подводит итоги своего анализа, заключая, что разработанные здесь подходы и результаты, хотя и обогащают языкознание, “никак не создают ни нового объекта (точнее, предмета) исследования, ни даже нового метода” и что

поэтому “правомерно полагать, что когнитивной лингвистики не существует (подчеркнуто В.Б.К.) – уже потому, что не существует некогнитивной (психо)лингвистики” (Касевич 1998: 20). Мне бы хотелось настоящей работой подчеркнуть ОБРАТНОЕ: когнитивная лингвистика, конечно, существует (как существует и некогнитивная – например, структурная), а в ее рамках складывается и особое понимание интересующего нас термина, который и превращаясь в многозначный, не становится, тем не менее, “птакже устымобра”. тить внимание и на иные оценки самой когнитивной лингвистики у нас и за рубежом. Так, характеризуя теорию и метод в лингвистике конца XX века как свидетельства “мятежа” и “переворотов”, П.Б. Паршин в качестве одного из них (как наиболее показательного) приводит в пример именно когнитивную лингвистику. В ней, – подчеркивает автор, – и это “может считаться основой ее определения – в качестве модельных конструктов выступают когнитивные структуры и процессы, будь то когнитивные структуры типа фреймов (М. Минский), к нуждам лингвистики это понятие было адаптировано Ч.Филлмором), идеализированной когнитивной модели (Дж. Лакофф) или ментальных пространств (Ж. Фоконье); 2½ мерного наброска (Р. Джакендофф); семантико-грамматических суперкатегорий наподобие конфигурационной структуры, динамики сил, распределения влияния, “цепции” и т.д. (Л. Талми); комплексных многоаспектных конструкций (в специальном значении этого термина, предложенном Ч.Филлмором и П. Кейем); когнитивных операций типа правил концептуального вывода (Шенк 1980) или же особого уровня изучения интеллектуальных систем – постулированного А. Ньюэллом отличного от символического ‘уровня знаний’” (Newell 1982)” (см. Паршин 1996: 30-31). Я нарочно привела эту развернутую формулировку, чтобы показать, что когнитивная лингвистика не только реально СУЩЕСТВУЕТ, но и характеризуется исключительно широким кругом изучаемых проблем, притом – при всем их разнообразии – рассматриваемых в рамках единого подхода и единых теоретических установок.

Приведу еще один фрагмент общей оценки когнитивной лингвистики 1 . ”Если посмотреть на когнитивную лингвистику не со стороны того, что стимулировало ее появление (изучение мышления и познавательной деятельности, когниции), а с точки зрения ее предметного места в системе языковых уровней языка, то обнаружится, что она в целом занимается исследованием содержательных параметров языка. Это области когнитивной семантики, пространственной семантики, фреймовой семантики. Это изучение категорий и категоризации, концептов и концептуализации, метафоры и метафоризации, референции, информационных аспектов речевой деятельности (выдвижение, активация, фигура-фон), ментального языка и др.” (Правикова 1999: 37-38). Еще важнее, что в этой же работе автор правильно указывает на то, что “в отечественном языкознании когнитивная лингвистика имеет отчетливую линию своего развития. Если в зарубежной

лингвистике когнитивное направление возникло в связи с изучением различных типов обыденных семантик, то в нашей стране когнитивные идеи были высказаны, на наш взгляд, в связи с исследованиями в области номинации... В этой теории рассматривалась взаимосвязь языковой формы и языкового содержания на семасиологическом и ономасиологическом уровнях” (Правикова 1999: 39-40). В 1999 г. в серии исследований по когнитивной лингвистике (Cognitive Linguistics Research) выходит специальный том, посвященный основаниям когнитивной лингвистики, диапазону ее проблем и методологии (см. Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology 1999), в отдельных публикациях которого крупнейшие современные когнитологи подводят итоги ее разработкам, а также намечают пути развития когнитивной лингвистики. Статья Р. Ленекера так и называется: “Оценивая значимость когнитивного направления” (см. Langacker 1999), и в ней и круг проблем, характерных для этого направления (с.17), и неправомерность и несправедливость его критики по целому ряду обстоятельств (с.20); перечисляются главные методологические принципы когнитивизма (с. 23 и сл.). Но главное, что здесь защищается, – это положение о том, что именно когнитивно-функциональные соображения о любых изучаемых явлениях языка дают гораздо больше, по сравнению с формальным описанием тех же явлений. По сути дела, о том же пишет и В. Крофт (Croft 1999), подчеркивая исключительную ценность когнитивных данных в типологических исследованиях языка. Но особенно высокую оценку когнитивизму дает Ж. Фоконье: “поразительную успешность” его он связывает с тем, что “по всей вероятности (здесь) впервые начали связывать подлинную науку о конструировании значения и его динамику”, и что хотя в когнитивной лингвистике разделяется старый как мир взгляд на язык как на орудие (формирования и передачи) значения, все ее методы и результаты совершенно новы (Fauconnier 1999: 96-98). Нельзя упомянуть, наконец, и о последней монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff, Johnson 1999), где подчеркивается, что когнитивная наука и когнитивная лингвистика бросают вызов всей западной философии и ставят под сомнение многие ее постулаты, демонстрируя огромный прорыв в сфере познания человеческого разума и главных механизмов его ментальной деятельности».

Методические указания:

При рассмотрении темы необходимо понимание определенных корреляций между когнитивными и языковыми структурами, а также задач когнитивной лингвистики как науки.

Рекомендуемая литература:

основная: [1, 2];

дополнительная: [1, 2].

Тема 4. Антропоцентрический подход к изучению языка

Цели и задачи занятия:

- сформировать представления о разнообразии современных подходов к изучению языка, а также способности ориентироваться в научных подходах к изучению языка.
- сформировать представление об антропоцентрическом подходе в науке.

Учебные вопросы по самостоятельной работе:

1. Ментальный лексикон индивида с позиций различных подходов.
2. Проблема порождения и восприятия речи в современных лингвистических исследованиях.

Темы докладов и сообщений

1. Роль биологических и социальных факторов в формировании речевой деятельности человека.
2. Операционная структура речевой деятельности. Её формирование в ходе онтогенеза.
3. Модели восприятия речи.
4. Психолингвистические теории процесса порождения речи.
5. Речемыслительная деятельность, её этапы, выделяемые психологами (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия). Активная роль языка в процессе мышления.
6. Речемыслительная деятельность, её этапы, выделяемые лингвистами (С.Д. Кацнельсон).
7. Особенности строения ментального лексикона человека.
8. Язык народа и культура народа. Проблема языка как духа народа (гештальты – целостные образы в сознании) и фреймы (представления, отражения ситуаций).
9. Вероятностное прогнозирование звучащей речи.
10. Модели порождения речи Л. С. Выготского и А. А. Леонтьева.

Методические указания:

При рассмотрении темы необходимо ориентироваться в лингвистических принципах современного языкознания (экспланаторность, экспансионизм,

функционализм), а также методах и приёмах антропоцентрического языкознания. Уметь оперировать понятиями «ментальный лексикон», «концепт» и «языковая личность».

Рекомендуемая литература:

основная: [1, 2];

дополнительная: [1, 3].

ЛИТЕРАТУРА КО ВСЕМ ТЕМАМ

Основная:

1. Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 10-е изд., стереотип. – Москва: Издательство «Флинта», 2017. – 412 с. – ISBN 978-5-89349-892-9; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=103797>
2. Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / ред. Б.А. Серебренникова. – Москва: Наука, 1970. – 602 с.; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=40202>

Дополнительная:

1. Буянова, Л.Ю. Термин как единица логоса / Л.Ю. Буянова. – 4-е изд., стер. – Москва: Издательство «Флинта», 2017. – 220 с. – ISBN 978-5-9765-1133-0 ; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=103353>
2. Селеменова, О.А. Языковая и когнитивная картины мира в лингвистических исследованиях (тезисы лекций): учебное пособие / О.А. Селеменова; Минобнауки РФ, ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». – Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2012. – 67 с. – Библиогр. в кн.; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=272299>
3. Шулежкова, С.Г. История лингвистических учений: учебное пособие / С.Г. Шулежкова. – 6-е изд., стереотип. – Москва: Издательство «Флинта», 2017. – 405 с. – ISBN 978-5-89349-725-0; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=95006>